

● В тот день я шел на встречу с Юлием Кимом с твердым намерением хотя бы не начинать беседу с разговоров о политике. И дело даже не в том, что многие от нее уже изрядно подустали. Собеседник — драматург, поэт, автор и исполнитель песен — наверняка войдет в историю правозащитного движения в СССР, которая наверняка же будет написана. И это уж не говоря о том, что, к примеру, многие, слышавшие простую и пронзительную песню «Все вы, губы, помните...», которую пел Станислав Любшин в «Пяти вечерах», увидев в титрах — «автор

Комсомольское знамя. — Киев. — 1991. — 14 мая. — с. 6.

— Вы знакомы с Генрихом Алтуняном?

— Да, с 1968 года. Тогда в Харькове существовала группа диссидентов — Пономарев, Алтунян, Недобора, Левин. На меня судьба Генриха Ованесовича произвела наибольшее впечатление. Ведь он был бывший майор Советской Армии. После генерала Григоренко это был второй такой случай — армия самая консервативная, как сейчас говорят, структура. Всю харьковскую группу «взяли» и посадили на три года за «хранение и распространение... клеветнических... порочающих строй» и так далее. Дальнейшая судьба тяжелее всех сложилась у Алтуняна: по-моему, в 80-м он получил второй срок «на полную катушку» совершенно ни за что. Это дело было сфабриковано харьковскими «жандармами». За то, что, к примеру, он давал читать «Архипелаг». В Москве за такое в те времена и трех лет не давали. А харьковские «ребята» вняли ему 7 лет. Дело в том, что, как правило, все «периферийные», вне Москвы, наказания были жестче.

— И вот Генрих Алтунян — народный депутат Украины. Надо ли говорить, что немало из власти придерживающихся предпочитали бы видеть его и некоторых из его коллег «сидящими» не в парламентском зале... Вы встречались после его избрания? Заходила ли речь об обстановке в Верховном Совете Украины?

— Встречались, конечно, но о парламентских делах мало говорили. Думаю, что там обстановка та же, что и у нас.

— А следите ли вы вообще за нынешними «парламентскими сражениями»? Вот ведь какое дикое сочетание слов преподнесла нам жизнь.

— Служу. Я бы сказал так: в полглаза, но пристально. Правда, долго смотреть не могу — не выдерживаю.

— Ну, это, пожалуй, только для людей с крепкими нервами.

— Безусловно! Я все-таки, признаюсь, картину четко себе не представляю. В принципе согласен с оценками демократической прессы: Съезд народных депутатов России был навязан, цель, поставленная правыми, не могла быть достигнута, и они вынуждены были «перестраиваться» по ходу дела. Какие-то компромиссы оказались достигнутыми, и сейчас правые пытаются поставить себе это в заслугу.

Но более всего меня потрясает вот какая мысль, которая, увы, никак не была выражена на съезде — меня потрясает наша сельскохозяйственная политика на фоне того, что происходит «в братских социалистических странах». Я, к примеру, вдруг узнал из газет, что «братский Вьетнам», который я всегда держал за страну милитаризованной экономики, ввозящую продовольствие, постоянно балансирующую на грани голода, уже вывозит зерно. Они в 1988 году отда-

песни Ю. Михайлов», — пожимали плечами: «Кто это?» А это был Юлий Ким, который подписывал «взрывоопасные» письма, дружил с Галичем и работал — писал стихи, песни, пьесы. Поэтому уж начать-то разговор хотелось с извечной темы: почему же это всегда и везде подлинный художник так худо уживается с властями?

Но первое, что я увидел в комнате, был «казенный» предвыборный плакатик на стене, с которого глянуло знакомое лицо нынешнего народного депутата Украины. И эта неожиданность до основания разрушила принятый план.

ли землю людям — и уже через год решили продовольственную проблему!

— Может, весь этот абсурд, который нагнетается у нас вокруг вопроса о собственности на землю, и есть то последнее, что помогает России продолжать ощущать себя на излюбленном ею мессианском пути!

— Понятия не имею, в чем дело! Откуда такое странное упорство? Давно уже развеян и второй миф, имевший хождение среди городской интеллигенции, — о том, что в России перевелись земледельцы. Есть множество людей, которые готовы взять землю и работать на ней. Вьетнамцы, имея гигантский аппарат коммунистических бюрократов и около ста миллионов населения (вполне сравнимый масштаб), при несравнимо меньшей территории — кормят себя сами.

— Иными словами, вы считаете, можно и невинность собственности и капитал приобрести: и власть коммунистическую сохранить, и добиться того, чтобы люди не голодали!

— А возьмем Китай, с более чем миллиардным населением! Конечно, ответ на эти риторические вопросы кроется, как у нас любят говорить, в исконно наших особенностях. Я, честно говоря, надеялся, что этот процесс быстрее пойдет у вас на Украине, где и традиции земледелия сильнее и земля прекрасная. А у нас... В разноразличном, раскритикованном выступлении Ельцина по ЦТ, когда Кравченко выпустил против него бывшего «взглядца» с единственной, похуже, задачей — больше отнять у Ельцина времени из отведенных 45 минут, прозвучала обнадежившая меня фраза: «У нас есть механизм передачи земли». Механизм! Он нужен позарез! Но я пока не вижу, где же он...

— Юлий Черсанович, вы, говоря о выступлении Ельцина, употребили эпитет «несчастное». Вы недовольны этим выступлением?

— Да, недоволен. Тем, что он говорил — доволен, мне нравится, как он решительно ставит точки над «i», говорит о том, что исчерпал свои возможности идти на компромисс и ждет ответных шагов. Дело в том, что есть консолидация и консолидация. Есть единство перед угрозой общего врага или экологии — это одно, и есть единомыслие. Мне кажется, что союзный центр под флагом консолидации стремится вернуться к единомыслию. В вопросах собственности, экономической политики консолидации не может быть и не будет уже никогда. Достаточно посмотреть на платформу Полосова. В этом смысле схватка Ельцина и Горбачева — плодотворна. И когда Президент говорит о том, что это ужасно и опасно, ведет к гражданской войне, то в данном случае он признается, в сущности, что инициатором гражданской войны будет он. Потому что в его руках армия, МВД, КГБ.

— Вы, судя по всему, сторонник Б. Н. Ельцина. Но вас не пугают на демонстрациях его портреты «на палочке», истеричные женщины, многотысячное: «Ельцин, Ельцин»!..

— Нет, конечно. Не только потому, что сам «покрикивал», когда 20 января первый и последний раз вышел на митинг. (Я не люблю митинги. Это не по мне. Я их не отрицаю: это все очень естественно. Просто лично мне участие в митинге неприятно. Митинг всегда — единодушие и единомыслие). Когда идет собрание сторонников одной идеи, то эта атрибутика неизбежна: флаги, портреты, лозунги, выкрики...

— Но учитывая наш, выражаясь «по-научному», анамнез — предысторию, можно изваять себе нового вожда...

— Безусловно. Но желание иметь лидера — естественно. Нужно только следить, чтобы оно не перешло известную черту... А вообще-то это естественно — для партий, движений. Очень важно, кто стоит во главе. Мы видим это на польском примере. При Ярузельском с его политикой (которая, к слову, вызывает у меня глубокое уважение) шахтеры бастовали беспрестанно. Их раздражало коммунистическое правительство. Как только Польша освободилась от гнета коммунизма, Ярузельский перешел в мирную синекру президентства, а Мазовецкий сформировал свое правительство, при котором жилось в несколько раз хуже, но поляки перестали бастовать. Возникли — правительство доверия, его программа, стиль и личность, воплощавшая этот стиль. Поэтому-то Борис Николаевич и может рассчитывать на гораздо большее доверие, чем Михаил Сергеевич. Поэтому же считать, что портреты, лозунги — начало культа, нельзя. Культ может на это опереться, но это уже будет переход в другую плоскость.

— Знамение времени, Юлий Черсанович: у нас с вами не беседа получается, а старый, добрый «партхозактив». И поэтому в качестве переходного вопроса — чем бы вы объяснили такой феномен: когда избирали главу правительства России, кандидат, предложенный Ельциным, не прошел. И к нему «приставили», как казалось, в качестве «соглядатая» И. С. Силаева. Прошло какое-то время, и вдруг оказалось, что этот «соглядатай» во многом — сторонник Ельцина и демократически настроенных депутатов. И вот уже правые кричат: в отставку Силаева! А левые в ответ: не дадим Ивану Степановичу в обиду! Чем, по-вашему, с точки зрения «инженерства» человеческих душ, объясняется такая перемена? Можем ли мы ждать и в дальнейшем чего-либо подобного?

— Сколько угодно. Дело в том, что когда говорят об аппарате как о враге, тормозе, то не ошибаются только в принципе. А в натуре-то он состоит из живых людей, для

которых ничто человеческое не чуждо. Я думаю, там найдется много людей, которые в новых условиях почувствуют простор для себя, для своих способностей, честолюбия, в конце концов. Да вот вам еще один пример: председатель Мосгорисполкома Юрий Лужков — московский аппаратчик, замечательно вписавшийся в новый стиль работы. Его альянс с Поповым очевиден — и это не демонстрация, не пародия, не ширма. Я думаю, что такой процесс превращения деловых партнеров в дельных демократов будет идти. Жизнь берет свое, «троглодиты» в нее не вписываются.

— И все-таки, много сейчас говорится о надвигающейся диктатуре. Как, по-вашему, опыт вашего поколения «шестидесятников» пригодится в случае такого развития ситуации?

— Я думаю, что такое развитие невозможно. Я не вижу для этого ни оснований, ни реальных сил: былого единомыслия нет и не будет. Такое под силу только тотальной и кровавой диктатуре. Но она тоже невозможна. Кто-то замечательно сказал: «Ну хорошо, они совершат переворот. Что они будут делать на следующий день?» Да то же самое, что сейчас делается — только хуже! Вся логика развития об этом говорит.

— Да, но существуют известные органы...

— Хорошо! Давайте представим: они арестуют Ельцина, Афанасьева, остальных демократических лидеров. Судят их фарисейским судом «а-ля 37-й год». Дадут им немислимые сроки, запугают остальных. Что взамен они получат? Полную изоляцию. Они захотят, смогут этому противостоять? С разваленной армией, агонизирующей промышленностью?

— Говорить о логике здесь вряд ли стоит. Вспомните только события этого года — Вильнюс, созыв третьего съезда, противостояние 28 марта — все это правые сделали себе во вред. Так что, если вопреки всему — все-таки... — А что это, собственно,

такое — опыт «шестидесятников»? Допустим, изготовление и распространение самиздата. Но это было и до нас. И после нас, в случае необходимости, пойдет само собой. И пересылка материалов за рубеж — тоже. Для всего этого, повторяю, не нужно никакого предварительного опыта. Тем более, что последние годы подготовили к такой реакции множество людей.

— Многие из ваших «подельников» по правозащитному движению всякий раз подчеркивают, что именно они приближали сегодняшний день, именно им страна обязана тем, что не задохнулась окончательно в годы Брежнева. Как вы относитесь к таким утверждениям? Не кажутся ли они вам чрезмерными!

— Во всяком самолюбования ничего хорошего нет. И все зависит от того, кто и как на эту тему говорит. Не все имеют, честно говоря, на это право. Но безусловно то, что диссидентство 60—80-х годов — это уникальная в нашей истории страница, имеющая традицию, восходящую к декабризму. И это противостояние интеллигенции и власти свою роль, конечно, сыграло. Там свои были и жертвы, и мученики, и герои, и победители. То, что сейчас называется гласностью, диссиденты отстаивали явочным порядком. Свобода слова явочным порядком — так я это называю.

— У вас в жизни было несколько периодов, когда вас заставляли молчать...

— Слухи об этом сильно преувеличены. Я прошел несколько запретов. Запрет на профессию — в 68-м году меня «попросили» расстаться со школой. Я, правда, и сам это планировал, но не так рано. В том же году на Лубянке мне предложили прекратить публичные выступления. Но там же мне сказали, что препятствовать моей работе в кино, театре они не будут. И в этом смысле они свое слово, похоже, сдержали. Затруднения, которые все-таки случались, я отношу на счет ревности местных

начальников. И псевдоним Ю. Михайлов, взятый в 69-м, скорее был «производственной необходимостью». В 76-м я возобновил свои выступления и, честно говоря, думаю, мог сделать это и пораньше. А в 85-м сам по себе «отвалился» псевдоним — я перестал им пользоваться.

— Но рассказывали о каких-то письмах, о том, что вы были в числе «подписантов»... Приходилось слышать и такое: зачем, мол, Ким их подписывал, единственное чего он добился, так это того, что был выключен из литературного процесса.

— Да, в 67-м, 68-м годах я подписывал письма, выражаясь в общем, в защиту демократии. А что касается «зачем» — это вполне распросто-

было. Ну никак не могли! Но я очень хотел побывать в Израиле, и моя мечта сбылась в прошлом году. Два месяца мы с женой пробыли там. И я до сих пор полон впечатлений. Тогда же я понял, что такое сионистское движение. И никак не могу теперь понять: за что же на него у нас так ополчились? Это движение — за возвращение евреев в Израиль. Больше ничего! Но должен вам сказать, что когда я посмотрел там на их сельское хозяйство, то был потрясен. Ведь понятие «еврей на земле» всегда казалось парадоксальным. А тут я увидел: вот как расцветает народ, получающий землю и волю! Когда я на все это смотрел, то просто кровавые слезы за-

тизма, то с этим приходилось сталкиваться часто.

— А когда писателей делят на русских и русскоязычных! И к последним относятся Окуджаву, Бродского, вашего однофамильца Анатолия Кима...

— А-а, вы об этих «ребятах»? К счастью, я в Союзе писателей не состою. Союз кинематографистов мне ближе. А в СП мне поступить предлагали, но я ответил: зачем я буду вступать туда, откуда завтра же придется «выступать» в знак протеста? Сосуществовать с этими «троглодитами» мне как-то не хочется, и удивляюсь, как это удастся другим. Это особая статья — наши «русофилы великие». Когда иногда смотрю на них по телевизору, меня всякий раз изумляет откровенное ханжество, написанное на их лицах. Я не верю, что все это без ханжества может говорить

творческий тоже. Пространство открылось гигантское, а мы еще не отвыкли от «пещерной жизни», нам обязательно нужно с кем-то бороться.

— Есть такое совсем не стыдное чувство, когда поэту случается позабавить чей-то хорошей строке, строфе. В смысле: ах, как жаль, что она не моя! Вас такое чувство посещало? И если да, то кому вам чаще всего приходилось завидовать такой праведной завистью!

— Полезной, я бы сказал. У меня такое было. Какое-то время по отношению к Высоцкому. Но потом я понял, что это его область, и в ней никто не сможет с ним сравниться. Был я и под очень сильным влиянием творчества Галича, но — кратко. Надеюсь, плодотворно, но — кратко.

— Как вы считаете, кич в жанре авторской песни отличается от кича в поэзии, театре, музыке!

— Я скорее бы стал говорить о графомании. Ее в жанре авторской песни очень много. Ну, что поделаешь, неприятно это говорить, но мне кажется, что тексты некоторых и очень популярных (не буду называть имен) — графомания... И вместе с тем есть такой бард, как Михаил Щербаков. Культура его стиха, музыкальная культура — очень высоки, гораздо выше, просто несоизмеримо выше того, что делают Розенбаум или Дольский — по глубине, по мысли, по чувству. А большой спрос не обязательно соответствует качеству.

— Юрий Черсанович, при таком количестве писателей неудивительно, что опубликоваться у нас всегда было проблемой. Вас это никогда не задевало? Обижаться вам на кого-либо не приходилось!

— К этому я относился как фаталист. Я твердо знал, что придет пора. Придет пора, когда я поеду за границу, придет пора, когда сам собою отпадет псевдоним, когда выйдут мои книжки. И вот она настала. Причем самое интересное, что первый мой сборник вышел в 89-м году в Дании. Туда же я впервые и поехал в «заграницы». А на родине — разом все три вышли — летом прошлого года. Я специальных усилий к этому не прилагал, а если приложил бы, может быть, все это произошло и раньше.

— Юрий Черсанович, ребята из театра «Академия» мне рассказывали о том, что несколько раз договаривались с вами о концертах в Киеве, но всякий раз что-то срывалось. С чем это связано, неужели только лишь с неотложными делами!

— Да, именно с этим. Все время «приспевает» какая-то работа. Но сейчас мы с «Академией» договорились точно на 18 и 19 мая. А вообще-то я очень редко выступаю, это для меня не основной источник жизни. Главная моя работа связана с театром и кино.

— Вопрос для «оживляжа». В провинции многие уверены, что в московских литературных кругах существуют определенные правила жизни. Раз в три-пять лет положено, мол, что-то менять — работу, жену, мужа... Насколько вы — московский интеллигент с огромным стажем — можете подтвердить эту «невинную» версию!

— Что касается меня, то я в этих вопросах консерватор. Не испытываю необходимости ни в одном, ни в другом. Ну, разве что в работе пробую себя в новых жанрах. Но это «не считается». Один из любимейших моих поэтов — Давид Самойлов — говорил: «Настоящий писатель должен уметь в литературе все».

— Сейчас трудно что-либо утверждать определенно. Но у меня к концу нашего разговора возникло впечатление, что вы скорее оптимист, чем пессимист. Если я не ошибся, Юрий Черсанович, не поделитесь ли вы, чем подпитывается ваш оптимизм в ситуации, которая, мягко говоря...

— Тут, собственно, нечем делиться. Все — на поверхности. Я недавно услышал очень интересный современный диалог: «Кошмар, до чего мы дожили!» — «Как до чего? Мы дожили до свободы!» Почему эта мысль должна идти непременно после упоминания о «кошмаре»? Наконец-то после 1000-летней несвободы мы дожили до свободы. И нам повезло, в отличие от многих наших предшественников и современников.

Беседу вел
С. ТИХИЙ.

Юлий КИМ:

«МЫ ДОЖИЛИ ДО СВОБОДЫ»

раненная точка зрения. Но каждый решал за себя сам. Замечательные люди ко мне подходили с этой логикой. В конце концов я и отказался подписывать — в 69-м году. Я работал с театрами и, «подписывая», как бы ставил под удар их тоже. В Саратовском ТЮЗе, скажем, репетировали «Недоросля» и если бы я в тот момент подписал письмо, то репетиции прекратились бы. А до этого подписывал, будучи учителем. И считал, что это не идет вразрез, наоборот — соответствует моим представлениям о порядочности.

— Ваши бывшие ученики стали уже взрослыми людьми. Как вы думаете, Юрий Черсанович, повлияли ли вы на их гражданскую позицию сегодня!

— Мне трудно судить об этом... Но могу вспомнить один любопытный случай. В 68-м году судили тех, кто вышел на Красную площадь протестовать против ввода танков в Чехословакию. А надо сказать, что во время диссидентских процессов в Москве у здания суда всегда «клубилась» сочувствующая интеллигенция. В тот раз власти решили противопоставить им «правильных», «гневно осуждающих» советских людей. Так вот, среди сочувствующих был один из моих учеников. А среди оперативников был еще один мой ученик. А потом пришел третий! Он был сочувствующий, но тайно. Он пришел в темных очках, с поднятым воротником. Боялся — но пришел!

— Готовый сюжет для пьесы! Скажите, Юрий Черсанович, вас заодно в сионизме никогда не обвиняли! Я вот вижу у вас иудейские символы — семисвечье, девяти-

висти проливал и одновременно — оптимистически светлые, потому что все идет к тому же и у нас. И когда Россия получит землю и волю, то я верю, что и нас ждут радостные чудеса.

— Как вы оцениваете состояние и решение национального вопроса в нашей стране!

— Если речь идет об «отпущении на свободу», то оно должно быть интеллигентным. Насколько я могу судить, прибавил переборщили по части национализма и не поставили сразу один из важнейших вопросов: права русскоязычного населения. Если бы они это сделали вовремя, то не имели бы многих проблем. А в остальном... Из года в год нас слишком интенсивно «спланивали», чтобы удивиться такому центральному порыву. Что это вопрос болезненный, что требуется деликатность — все это понятно. И что ее нет очень часто — тоже понятно! Но самое главное «понятно» — это то, что никто не собирается разрушать экономический союз. Что касается культурных проблем, то и они мне кажутся вполне разрешимыми при победе демократического устройства.

— ...Несмотря на то, что наше общество сейчас, пожалуй, самое расистское во всем мире! Вам лично с русским шовинизмом, «подлецом и негодяем», как называл его Ленин, сталкиваться не приходилось!

— Лично мне как наполовину корейцу не приходилось. Могу лишь вспомнить, как в 3-м классе существо из 1-го класса прыгало вокруг меня и кричало, скорее с ликованием, чем с желанием оскорбить: «Японец! Японец!» Это все. А что касается антисеми-

образованный человек. Когда я вижу Кожина с лицом аскета, то не верю ни на грамм — ни его аскетизму, ни тому, что он говорит. Хотя он один из самых образованных в этой команде. А насчет русских и русскоязычных писателей... Вот мой однофамилец Анатолий Ким пишет изумительную прозу. И здесь подобный «интерес» ничего, кроме идиотизма того, кто его имеет, не проясляет. Потому что дай Бог Бондареву достичь такого чувства русского языка, каким обладает кореец Анатолий Ким.

— Не кажется ли вам, что с изменением обстановки в стране сглаживается та «экологическая ниша», в которой существовала авторская песня! Ведь правду стало возможным говорить, вернее, петь — не только на кухне под гитару.

— Не думаю. Принято считать, что литература, искусство, та же авторская песня именно в борьбе с властью черпали и силу, и вдохновение. Я не согласен с этим. Потому что главное — это тяга просто к свободному творчеству. И в этом смысле Новелла Матвеева, может быть, больший диссидент, чем кто-либо другой. Скорее, с появлением нынешней свободы возникла другая трудность. Замечательно об этом сказал Г. Явлинский, отвечая на вопрос Б. Курковой — «Мы в тупике, где же выход?» — «В каком мы тупике, мы же ничего еще не пробовали! Рынок не пробовали, приватизацию не пробовали, аренду по-настоящему, свободное фермерство — тоже!» Мы оказались в условиях свободы, в условиях, в которых не жили никогда. И поэтому перед нами открывается неслыханный простор — и

Юлий КИМ

Песня волшебника
из телефильма
«Обыкновенное
чудо»

Приходит день,
приходит час,
Приходит миг,
приходит срок —
И рвется связь,
Кипит гранит, пылает
лед,

И легкий пух
сбивает с ног —
Что за напасть?
Вдруг зацветает

трын-трава,
Вдруг соловьем поет
сова,
И даже тоненькую
нить
Не в состоянии
разрубить
Стальной клинок!

Приходит срок —
и вместе с ним
Приходит страх,
озноб и жар,
Восторг и власть.

Азарт и нежность,
гнев и боль —
В один костер, в один
пожар —

Что за напасть?!
Из миража, из ничего,
Из сумасбродства
моего —

Вдруг возникает
чей-то лик
И обретает цвет и звук,
И плоть,
И страсть!

Нелепо, смешно,
безрассудно,
безумно —
Волшебно!

На снимке: книгу, которую держит в руках Юлий Ким, вы сможете приобрести на его концертах в Киеве. Они состоятся 18 и 19 мая.

Фото М. Ильченко.